

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

ИМЕНИЕ НОВОГЕОРГИЕВСКОЕ НА ДЕ ФРИЗЕ (1892—1922 гг.)*

Биргитта ИНГЕМАНСОН, профессор Вашингтонского государственного университета, г. Пуллман, штат Вашингтон, США

С побережья Амурского залива, из дачных пригородов Владивостока можно четко различить очертания п-ва Де Фриз с аллеей, ведущей к возвышающемуся пригорку. Старинная легенда гласит, что на его вершине покоится прах молодой женщины, которая умерла от разбитого сердца. Доказать правдивость этой истории трудно, но исследователи с достоверностью знают, что на полуострове сохранились следы имения Новогеоргиевского, которое в течение трех десятилетий досоветского периода играло значительную роль в социальной и экономической жизни Владивостока. И, хотя взгляд охватывает вокруг все те же обширные морские просторы, сегодняшний поселок со своими милыми домиками и садами вряд ли поможет представить картину, отражающую все величие бурной жизни сельскохозяйственного, торгового и общественного центра, не уступавшего знаменитым поместьям западной части Российской империи. Несмотря на то, что как в России, так и за рубежом такие известные имения, как Каменка и Введенское, в последние годы привлекли заслуженное внимание исследователей¹, о Новогеоргиевском пока известно немного. Интересные поиски в этом направлении ведет Н.Г. Мизь², и, быть может, данная статья добавит к ним некоторый материал. Из-за политической конъюнктуры само название имения, уклад жизни его обитателей, их радости и горести оказались почти забытыми, однако не до конца.

Подобно многим другим поместьям дореволюционной России Новогеоргиевское было тесно связано с предпринимательским сообществом своего края. Там жили и умирали владивостокцы: выращивали продукты для города, поддерживали красоту и порядок в своем имении и с удовольствием принимали на отдых друзей-горожан. Загородная атмосфера Новогеоргиевского ничем не отличалась от той, которая так живо запечатлена на акварелях М. Давыдовой из Каменки³. Однако восточное положение Новогеоргиевского, а также исторические условия, весьма специфические для Владивостока, существенно отличают это имение от его далеких сородичей в Европейской России. Расположенный на периферии страны, вблизи Китая, Кореи и Японии, Владивосток конца XIX — начала XX вв. оставался крупным приграничным городом, находившимся почти вне сферы досягаемости Москвы и Санкт-Петербурга. Из-за свойственной им «близорукости» обе столицы представляли, будто Владивосток прозябает где-то на краю мира, в то время как на самом деле он был

* Статья печатается с сокращениями.

Дачи госпожи Даттан (потом Гольденшtedтов). Примерно 1910 г.

процветающим международным центром. Близость огромных природных ресурсов, большой удобный порт и железная дорога способствовали развитию торговли, расцвету поразительной архитектуры и значительному подъему промышленности. Все это приносило пользу новому классу предпринимателей⁴. Но те же самые факторы, которые превратили Владивосток в своего рода «экономическую державу», также имели и свою особую разрушительную силу. В лавине трагедий, разыгравшихся в России между 1914 и 1922 гг., расположение Владивостока в Восточной Азии скорее усугубило нелегкую судьбу города, чем помогло ему. Имение Новогеоргиевское, которое поначалу играло двоякую роль для Владивостока — с одной стороны снабжая город продуктами, а с другой, являясь местом спасения горожан от грязи, шума и толпы, — в конечном счете превратилось в простой придаток города, ввергнутый во все его исторические катаклизмы. Тем не менее, несмотря на полный упадок имения, великолепие его пейзажа, а также связанные с ним трогательные воспоминания о былом, оно оставалось маленьким раем в сердцах его обитателей, источником неумирающей надежды на лучшую человеческую долю и жизнь.

Печатные работы дают немногочисленные и противоречивые сведения о первом владельце новогеоргиевских земель Джоне Корнелиусе Де Фризе. Морской инженер, приехавший с британского о. Гельголанда во Владивосток в 1865 г., когда этот военный пост отметил лишь пятилетие своего существования, Де Фриз вел процветающий строительный бизнес, и вскоре приобрел многочисленные участки как в самом городе, так и за его пределами, включая и молочную ферму на полуострове, который сегодня носит его имя⁵. Известная легенда гласит, что, когда его любимая дочь умерла в 1897 г., Де Фриз похоронил ее в кургане фермерского кладбища, спешно продал всё свое имущество и навсегда покинул те края⁶. Однако существует свидетельство иного характера, согласно которому Де Фриз и его жена умерли еще в 1881 и 1883 гг., а их наследники (некоторые из них вернулись впоследствии на Гельголанд) продали семейные земли. Молочную ферму позднее приобрела чета Гольденшtedтов в 1892 г.⁷

Каким образом родившийся в Германии и получивший российское гражданство Карл Георгиевич Гольденшtedт оказался новым владельцем Новогеоргиевского имения, пока остается несколько неясным, но, возможно, что приобретение состоялась в результате его профессиональных и личных связей с владельцами торгового дома «Кунст и Альберс», крупнейшей немецкой фирмы на Дальнем Востоке. Родственные связи в фирме всегда были тесны⁸, и три обстоятельства удостоверяют пересечение имущественных интересов между торговым домом, с одной стороны, и Гольденшtedтом, с другой. Во-первых, не кто иной, как Де Фриз владел теми большими участками во Владивостоке, где был построен (и до сих пор находится) знаменитый универсам «Кунст и Аль-

берс». Во-вторых, Гольденштедт жил во Владивостоке с 1860-х годов и достаточно давно служил экспертом по сельскому хозяйству у «Кунста и Альберса». А в-третьих, в ряде случаев он совместно владел земельными участками с членами руководства фирмы, например, имением в Никольске-Уссурийском (ныне Уссурийск). В то же самое время, как только Новогеоргиевское стало принадлежать Гольденштедтам, Адольф Даттан, партнер торгового дома «Кунст и Альберс», построил там и свою собственную дачу⁹. Таким образом, судьба Новогеоргиевского тесно переплелась с судьбами самых влиятельных деловых людей Владивостока¹⁰.

В те времена в городе некоторые проживавшие там иностранцы вели письменные заметки о событиях своей жизни. Подобные заметки написала и американка Элеонора Георгиевна Прей (Лорд) (1868—1952), член семьи купца Чарльза Смита (К.Г. Андреевича), владельца «Американского магазина» во Владивостоке. Жена Чарльза Смита приходилась родной сестрой Фредерику (Тэду) Прею — мужу Элеоноры¹¹. Магазин располагался на огражденном участке в Сodomском (ныне Почтовом) переулке, выходящем фасадом на главную, Светланскую, улицу и к бухте Золотой Рог. Здесь Элеонора Прей прожила с июня 1894 г. по декабрь 1930 г. Всё это время она прилежно и весьма талантливо писала письма домой. Она не имела высшего образования, но всю жизнь любила читать, изучать историю и иностранные языки, и благодаря превосходной природной наблюдательности ей удалось очень точно описать события своей жизни и жизни людей, ее окружавших¹². На тысячах страниц Прей рассказывала родственникам в Новой Англии и в Шанхае обо всем, что видела и переживала в течение трех с половиной десятилетий в «Восточной Сибири» (так она называла дальневосточный регион).

Начиная с лета 1901 г., когда Э. Прей впервые посетила Новогеоргиевское по приглашению госпожи Даттан, имение настолько полюбилось ей и так вдохновило ее, что они с мужем и обожаемой золовкой Сарой Смит, овдовевшей в 1898 г., сняли там дачу. Со страниц писем Э. Прей потоком льются яркие описания новогеоргиевского быта. Она описывает очень симпатичный человеческий фон сельскохозяйственных работ, восхваляет жизнь в деревне как своеобразное сильное противоядие городским тревогам и стрессам, рассказывает о «магических» успокаивающих чарах восточной природы. Короче говоря, она хотела дать своим родным систематизированное представление о том, *какова была новогеоргиевская жизнь*.

Гольденштедты имели довольно высокое положение в дореволюционном Владивостоке. Карл Гольденштедт был купцом второй гильдии, а его приемный сын, Владимир, был областным архитектором и надворным советником¹³. Семья владела многочисленными участками и зданиями в центре Владивостока, в том числе молочной фабрикой на улице Миссионерской (ныне Лазо), а позднее знаменитой гостиницей «Центральная» на углу улиц Алеутской и Светланской (то есть, «Домом Гольденштедта»)¹⁴.

Агафья Гольденштедт (Ливина), урожденная казачка, вышла из состоятельных кругов, и ее характер вполне отражал авторитет положения. Это была решительная и упрямая женщина. Ее и боялись, и уважали. Она решала и серьезные, и малозначительные вопросы жителей имения. Чета Прей и С. Смит были лишь дачниками у Гольденштедтов и не входили в число их самых близких друзей. Но обе семьи поддерживали прагматические взаимоотношения, которые в целом носили дружеский характер. Вместе они делали многое: ездили между Владивостоком и полуостровом, устраивали совместные чаепития и пикники, праздновали дни рождения, выезжали в имение зимой и даже отмечали День независимости США (4 июля).

В течение двух десятилетий, вплоть до первой мировой войны, Новогеоргиевское жило как маленький городок с хорошо налаженным бытом. Посети-

Госпожа Даттан с двумя ее детьми в имении.
Примерно 1902 г.

тели имения отмечали его расширение и процветание. Действительно, Гольденшtedты явно богатели: с шестисот десятин земли в 1892 г. их владения к 1911 г. разрослись почти до 750 десятин; число сезонных работников также увеличилось с 75, в конце XIX в. до 300 чел. в 1908 г.¹⁵

Природа тех мест удивляла разнообразием. Здесь были и морские берега, и буйные леса и холмы, и заливные луга, а также парк площадью в четыре десятины, его украшали венец дубов, пруд, покрытый лотосами.

Среди построек — живописные станы для лошадей, пони и быков, каретный двор, семенные хранилища, коровники, ледник, несколько поварских с пристройками для слуг, лодочный сарай, псарни для сенбернаров и сторожевых собак, а также дома управляющего имением¹⁶.

Хотя жилые дома Гольденшtedтов имели мало общего с загородными дворцами-дачами западной России, однако фотографии того времени свидетельствуют, что это были великолепные виллы¹⁷. Белоснежные стены внутренних помещений, возведенных на каменных фундаментах, со всех сторон окружали застекленные веранды. Дома украшали балконы, окна с жалюзи и элегантными навесами, крыши венчали изящные шпили. После одного из первых посещений дач в Новогeоргиевском Элеонора Прей писала: «Коттедж просто очарователен. Он построен в восточном стиле с верандой шириной в четыре с половиной метра у восточной и северной сторон, и примерно в два метра — вдоль двух других сторон. Таким образом, даже только на веранде можно разместить целый полк народа. На случай плохой погоды имеются раздвижные двери, спасающие от юго-восточных ветров, а во всех комнатах висят занавесы, чтобы регулировать свет и потоки воздуха. На верандах всегда живут в хорошую погоду. Северную часть веранды используют также в качестве столовой. Сама дача состоит из гостиной, комнаты-класса, кабинета и спальни репетитора герра Рингхарда, а также комнаты для гостей» (12.6. 1902 г.).

После нескольких коротких посещений имения, где чета Прей и С. Смит наслаждались свежим воздухом и размеренностью загородной жизни, они сняли себе дачу у Гольденшtedтов и пользовались ею с 1908 по 1922 г. Хотя их дом из четырех маленьких комнат был сравнительно небольшим и устроенным намного проще, чем виллы Даттанов и Гольденшtedтов, он прекрасно обеспечивал нужды постояльцев.

Уклад жизни в Новогeоргиевском напоминал Элеоноре Прей ее детство на ферме в штате Мэн. Как и в детстве, она просыпалась от лая несущихся по парку собак, а по вечерам, стоя на веранде, наблюдала за возвращением с пастбища коров. Она писала: «Я развлекаюсь тем, что изучаю морды коров с их самыми разнообразными выражениями — есть интеллектуальная корова, корова-борец за женские или, вернее, коровьи права, корова-крестьянка, чле-

ны низшего дворянства и коровы, которые были бы уборщицами, если бы они были человеческими существами» (17.10 1909 г.). Стадо, которое госпожа Прей описывала, к 1906 г. увеличивалось до 280 голов. В имении были также лошади, свиньи, куры, цесарки, индейки и гуси¹⁸. Ферма снабжала Владивосток и его гарнизон молоком, маслом, сметаной и творогом, говядиной, свининой, птицей, картофелем, капустой и другими овощами, а также крабами и рыбой, добываемыми в море. В огромных объемах заготавливалась квашеная капуста. «Иногда мы ходим, — писала Э. Прей, — на большую площадь возле конюшен, где корейцы шинкуют до двадцати тысяч пудов... капусты для закваски, чтобы поставлять ее войскам».

Элеонора Прей, начиная обычно с апреля и до конца октября, была таким же постоянным жителем Новогеоргиевского, как и его владельцы, и при этом ей очень нравилась роль сельской барыни-хозяйки: «Я решила быть очень хорошей до самого конца моей жизни в надежде на то, что когда я попаду в рай, у меня там будут фруктовый сад и огород, а также достаточно эльфов, чтобы работать в них» (22.05. 1917 г.). С разрешения хозяев супруги Прей, С. Смит и их верный слуга китаец Хи-фа вырастили два больших сада с теннисным кортом между ними, оборудовали площадку для гольфа, проложили дорожки, соорудили живые изгороди из боярышника и симпатичные клумбы. Тэд Прей, менеджер «Американского магазина», был отличным столяром и плотником и мастерил столики, скамейки, которые расставлялись вдоль дороги через лес, а также построил пирс для лодок. Весь этот труд превратил дачу и землю вокруг нее в прелестный уголок.

В летние месяцы они пололи грядки, делали заготовки на зиму, варили варенье, а осенью собирали орехи, грибы и пересаживали сотни деревьев из леса на свой участок. Заготовленной провизии хватало на несколько месяцев: «Этим летом, — писала Э. Прей, — я заготовила 20 банок персикового варенья, три банки малины, три черной смородины, две банки джема из винограда, три банки варенья из диких яблок, шесть банок диких яблок со специями, немного маринованных помидоров и огурчиков» (10.10. 1910 г.). Карл Гольденштедт, чьи эксперименты с овсом, корнеплодами и скотом принесли ему серебряную и золотую медали на выставках в 1899 и 1901 гг.¹⁹, был доволен достижениями Преев и госпожи Смит на «их» участке имения.

Выращенные продукты предназначались не только для самих садоводов, но также и для праздников и вечеринок, устраивавшихся в честь друзей, приезжавших из Владивостока.

Вот как Э. Прей описывает меню одного из пикников: «На большой лужайке стоял один из больших столов, сервированный тарелками, ножами, вилками и салфетками в кучах. Как только были поглощены бульон (в чашках) и пирожки, амы (служанки-японки) выставили закуски, и застолье продолжилось. Мы лакомились холодным лососем под майонезом, заливной рыбой, говяжьими сосисками, холодной бараниной, яйцами под майонезом, датским салатом, картофельным салатом, горячей вареной картошкой с подливой, хреном, огурцами, зеленым салатом, редиской, желе из ревеня, кофе и мороженым...» (4.06. 1917 г.)²⁰.

Хотя главным предназначением многих русских имений была обработка земли и уход за ней, существовала и еще одна их роль — устроить людям хороший отдых, чтобы можно было укрепить здоровье и отрешиться от городской суматохи. Это было своего рода идиллическое пространство. Для подобных целей Новогеоргиевское очень подходило. Природа изумительная. Поездка из Владивостока на полуостров занимала немного времени, так что было вполне возможно съездить туда на один день²¹. Однако это было не так уж просто (обычно приходилось добираться поездом и катером), что превращало

Дача Сэй-ю-за (дача супругов Прей и Смит). Примерно 1910 г.

визиты на дачу в настоящий праздник. Имение было, с одной стороны, частью города, а с другой — отдельным от него пространством: «Наш рай на полуострове имеет определенные недостатки в системе сообщения, однако его достоинства и некоторая изолированность вполне восполняют их» (22.06. 1909 г.).

Распорядок для гостей, как пишет Э. Прей, был примерно таким: «В восемь утра мы завтракаем... а потом сидим на скамеечках в парке и вышиваем или читаем до одиннадцати, когда отправляемся на море купаться.... Пока мы оденемся и вернемся домой, пора обедать, после чего мы возвращаемся в парк, где отдыхаем и спим в шезлонгах и гамаках примерно до трех часов. В четыре подают чай, после чего отправляемся на прогулку пешком или кататься в карете, или же спускаемся вниз к огромным полям, расстилающимся вдоль западного берега, и там собираем грибы, что составляет необыкновенное удовольствие... Около половины седьмого мы ужинаем. Затем приходят другие дамы, и мы идем на прогулку либо по западному берегу моря, либо по парку. Потом возвращаемся домой, перекусываем фруктами и ложимся спать около половины десятого» (16.08. 1907 г.).

Важно было, что жизнь за городом также означала освобождение женщин от некоторых социальных условностей и норм. В те времена «викторианские» образцы поведения и образ мышления европейского общества царили и здесь, далеко от Лондона, Берлина и Парижа. Пол и экономический класс объединяли тогда людей сильнее, чем национальная принадлежность или географическое положение. Госпожа Прей и ее подруги, будь то русские, американки или европейки, в большинстве своем вышли из консервативных семей процветавшего с 1890-х годов класса предпринимателей. Изолированность Новогеоргиевского давала им такую степень свободы, которая была совершенно невозможна в городе. На полуострове эти женщины могли скакать на лошадях и ходить босиком по парку — «и мы никогда не носим чулок, если вокруг нас нет наших мужей» (29.08. 1907 г.). Когда они разгуливали на улице «с распущенными волосами» (15.08. 1908 г.) или ели на кухне в компании слуг («если бы узнали знакомые, у них бы волосы встали дыбом», 10.10. 1912 г.), строго иерархичная и полная условностей жизнь во Владивостоке казалась им давящей, несмотря на развлечения²².

Иногда вечерами Э. Прей любовалась ночным рыбным промыслом китайцев из имения, который выглядел, как сказочная картинка: «Как красивы эти огоньки в воде, похожие на большие свечи, и вокруг ни единого звука, за

исключением периодического всплеска от рыбы, которую ловили острогой» (20.07. 1914 г.). Спокойные контуры и редкие огни, отражающиеся в слегка подрагивающей ряби, и вправду напоминали древние китайские рисунки.

Китайские мотивы, присутствующие в письмах Э. Прей, занимали заметное место в ее собственных взаимоотношениях с Новогеоргиевским. Она нарекла свое строение «Дача Сэй-ю-за» (по-английски она всегда писала «*seyuza*») что означает по-китайски «Северный дом». Название это перекликается с очаровательными деревенскими образами в стихах поэта V в., Тао Юань-мина, который избегал городских невзгод тем, что уединялся за городом «в доме без печали и проблем»²³, — писала Э.Прей. Она ни разу не упоминает имя этого поэта, да и по-китайски она не говорила, однако путешествовала по Китаю в 1900 и в 1902 гг. и была очарована его легендами и сказками.

1910 год был трагическим для имения: в январе умер К. Гольденштедт и его похоронили на кладбище на пригорке (10.02. 1910 г.), а в октябре в ревущем пламени сгорела «большая дача» Гольденштедтов (23.10. 1910 г.). Однако надежда на счастье на земле оставалась живой, даже когда смерть, казалось, утверждала противное: «Бедные цветочки увяли, а вместе с ними и остатки лета. Но цветы расцветут вновь, а также мы оживем, потому что — Бог есть, и он это обещал» (27.10. 1911 г.). В противоположность всеобщей боязни азиатских влияний и «желтой угрозы», царившей тогда²⁴, Э. Прей считала, что Новогеоргиевское будет всегда наполнено духовной жизнью именно благодаря соединению в нем и взаимовлиянию различных культур.

Вплоть до тревожных 1914 — 1922 гг. между Новогеоргиевским и Владивостоком существовали крепкие узы взаимодополнения. Из имения в город отправлялись продукты питания и цветы (и тоннами, и в небольших количествах для друзей и родственников), а из города люди постоянно ездили в поместье (или на работу, или просто отдохнуть). Обе стороны нуждались друг в друге; независимые одна от другой, они были в то же время достаточно близки, чтобы оказывать друг другу поддержку. Но эта двусторонняя гармония нарушилась, когда отзвуки первой мировой войны и революций 1917 г. докатились из центра России и сюда. Политические катаклизмы разрушили производство продуктов, прервали дачные досуги, а Новогеоргиевское превратилось в малозначительный придаток беспокойного города, наводненного в те годы беженцами и военными.

Одним из первых признаков новых времен и порядков, порождением войны стало то, что интернациональный состав новогеоргиевского населения стал считаться опасным. Уже 8 сентября 1914 г., меньше чем через полтора месяца после начала мировой войны, Элеонора Прей проводила на перроне станции Океанской немецких владельцев многих процветавших тогда владивостокских фирм, которые отправлялись в ссылку в Якутскую область. Некогда друзья и частые посетители Новогеоргиевского — Шульц, Толле, Лагерфельд — теперь стали вызывавшими подозрение представителями враждебной нации. Э. Прей особо сочувствовала трагической судьбе госпожи Даттан, с которой она долго сохраняла переписку. Трое старших сыновей Даттанов родились в России, и хотя жили в Германии в течение 12 лет, по закону были обязаны вступить в русскую армию и воевать против своей Родины [Германии] (5.08. 1914 г.). Двое из этих сыновей — Александр и Адольф — погибли во время войны, а самого господина Даттана, который (как и господин Гольденштедт) родился в Германии, но был российским подданным, арестовали как шпиона и сослали в город Томск²⁵.

Хотя Новогеоргиевское находилось далеко от непосредственных боевых действий, массовая разруха и беспорядок бурных годов революций и гражданской войны отразились и на имении. Были запущены земельные угодья. Никто не обращал внимания на сады и огороды: сломались заборы, бесхозные коровы

Дамы в парке имения Новогеоргиевское, включая Э. Прей (слева), госпожу Даттан (рядом с ней) и госпожу Смит (стоит сзади, вторая справа). Приблизительно 1902 г.

и свиньи затаптывали все кругом, землю никто не пахал. К концу 1917 г. капуста — этот бывший знак богатства поместья — вся замерзла на полях, дачу Сэй-ю-за варварски обокрали, беспорядочные патрули казаков бродили по дачным местам.

Несмотря на физическое и эмоциональное истощение, вызванное постоянными потрясениями, Э. Прей не утратила ни присутствия духа, ни своей любви к Новогеоргиевскому. Напротив, она твердо верила в оздоровительную силу имения, даже после нападения на их дом налетчиков: «После того, как мы вновь открыли на даче окна и убрали битое стекло, чувство горечи исчезло... На деревьях раскрываются ароматные почки, зеленеет травка, поют птицы, и вновь кругом разливается ощущение присутствия Бога на небесах, и только он знает, почему в мире есть всё это страдание», — писала она в мае 1918 г.

Хотя Э. Прей жила во Владивостоке до конца 1930 г., но в последний раз она была на полуострове осенью 1922 г., не предполагая, какие огромные перемены ожидают ее, ведь 25 октября 1922 г. во Владивостоке установилась советская власть. Тяжелой для Элеоноры Прей утратой стала внезапная смерть ее мужа 2 апреля 1923 г.; ему было только 55 лет. После его смерти она даже не помышляла о поездке на дачу Сэй-ю-за и решила больше никогда там не бывать. С дач своих друзей на станции Океанской она пристально вглядывалась через водные просторы на полуостров, различая живые изгороди из боярышника, которые посадил ее муж. С ностальгией она слушала рассказы друзей и знакомых об их экскурсиях на полуостров.

Сегодня бывшее Новогеоргиевское имение стало смесью советских и новорусских реалий. Его национализировали в 1927 г. и коллективизировали в 1930-х годах. Колхозные дома построили там, где когда-то стояли огромные дубы; а остатки парка заросли. Дорожка в лесу все так же привлекательна, как и век назад, деревья испускают тот же прохладный аромат в жаркие дни; но старых скамеек там больше нет. Симпатичный детский лагерь отдыха «Космос» с театром, музеем, столовой и множеством домиков располагается в южной части полуострова Де Фриз. Аллея, ведущая к кладбищу на пригорке, все еще великолепна, но вдоль нее сегодня появляются новые коттеджи, а надгробия

на кладбище исчезли. Говорят, что их разорили еще в 1920-х годах. Современное кладбище расположилось к востоку от этого пригорка на красивом обрыве высоко над морем, но имена на его надгробиях ничем не напоминают о тех людях, которые некогда жили в Новогеоргиевском.

Когда мы с коллегами посетили полуостров Де Фриз в июле 1998 г., погода щедро одарила нас теплым солнцем, голубым небом и богатством зелени и цветов. Пейзаж над лазурным морем с трех сторон полуострова был точно таким, как его описывала тогда Элеонора Прей. Но ощущалось, что душа Новогеоргиевского была утрачена. Даже довольно подробный план имения, который нарисовала когда-то Э. Прей в связи с пожаром 1910 г., не мог нам помочь. Мы попросили показать нам строения досоветской эпохи, но было трудно определить, являются ли несколько покрытых кустарником руин сохранившимися до сегодняшнего дня остатками конюшен, ледника, или дома управляющего? Все это напомнило о фотографиях не существующих больше домов, которые возбуждают горькие образы разрушенных и исчезнувших надежд — неяркие воспоминания о некогда счастливой жизни. Когда мы прощались с Марией Алексеевной, проживающей на Де Фризе с 1938 г., которая любезно согласилась быть нашим провожатым, она сказала, что хочет показать нам еще одно, место — школу советского периода в самом центре поселка. И вот она стоит, похожая на тысячу других школ — ничем особенным не выделяющаяся постройка. Но в этот момент Мария Алексеевна обронила замечание: «Конечно, когда я ходила в школу, это было другое здание, которое сгорело. В мое время *вокруг всего дома были веранды*». Ее память сохранила воспоминания о том здании, которое было главной дачей Гольденшtedтов, располагавшейся прямо в центре бывшего имения. Старые образы Новогеоргиевского ожили перед нами. Вот не просто широкая, покрытая травой, канава, а бывшая подъездная дорога с пирса к дачам; а там, на северо-западном берегу полуострова, качается на легких волнах не просто шлюпка, а можно себе представить лодку китайских рыбаков...

Название Новогеоргиевское изменили в честь первого известного обитателя этих мест, но эхо навязчивых образов из его жизни, подобно мелодии, сохраняется до сих пор. Можно даже составить по кусочкам часть картины, отражающей быт этого дальневосточного имения. Письма госпожи Прей не являются историей Новогеоргиевского, но они дают яркие отблески очарования того места, которое она любила.

В одном из последних писем Элеоноры Прей говорится: «Вчера я смотрела через ледяную бухту на полуостров, на нашу милую дачу и пригорок. Я очень рада, что Тетя Г. [госпожа Гольденшtedт] там спит — даже если коровы теперь пасутся на кладбище. Она любила коров и (я уверена) предпочла бы, чтобы они, а не новые обитатели ходили по дорогим ей могилам. Сегодня я видела Георгика [Павловича?] на улице и говорила с ним. Он симпатичный парень высокого роста, который в следующем году окончит технические курсы и станет инженером. Вера [Павловна] едет на Курильские острова помощницей врача и переводчицей японского в какой-то фирме. Трудно себе представить, что ей почти двадцать лет» (17.03. 1930 г.)²⁶. Многим членам этой семьи было суждено погибнуть в период преследований 1930-х годов²⁷.

Элеонора Прей, увы, потеряла свой рай. Однако ее яркие воспоминания о нем остались жить надолго. Вместе с С. Смит они регулярно возвращались в своих письмах к тем двум десятилетиям счастья, которые они испытывали на даче Сэй-ю-за, вспоминая события ушедших летних дней, проведенных в окружении великолепной природы, зимние экскурсии и тысячу интереснейших встреч. А каждый из этих дней-жемчужин соединялся, как ожерелье на своей цепочке, в верной любви к своему старому загородному дому с успокаивающим названием, и к чудесному имени, в котором он процветал.

Дорога к пирсу с маленькой Дороти Прей (слева). Около 1912 г.

Современный вид (1998 г.) того самого места, где дорога выглядит, как широкая канава. Фото Б. Ингемансон.

- ¹ Разгонов С.Н. Мир русской усадьбы // Памятники Отечества. М., 1993. № 25; Mariamna Davydoff. *Memoirs of a Russian Lady: Drawings and Tales of Life before the Revolution*. New York, 1986; James L. West and Iurii A. Petrov, eds. *Merchant Moscow: Images of Russia's Vanished Bourgeoisie*. Princeton University Press, 1998.
- ² Мизь Н.Г. Страницы забытой истории Владивостока. Владивосток, 2000.
- ³ Давыдова М. Акварели: Садовые дорожки. Загородная дорога с деревенскими домиками. Накрытый стол на веранде.
- ⁴ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. XVII в. — февраль 1917 г. М., 1991. С. 328—333; John J. Stephan. *The Russian Far East. A History*. Stanford University Press, 1994. P. 84—90; William Richardson. *Vladivostok. City of Three Eras*. // *Planning Perspectives*. 1995. No. 10. Pp. 44—45 и др.
- ⁵ Хисамутдинов А.А. Купец Де Фриз и другие. Владивосток: этюды к истории старого города. Владивосток, 1992. С. 54—56; Lothar Deeg, Kunst & Albers Wladiwostok. *Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten, 1864—1924*. Essen, 1996. С. 59, 85—86.
- ⁶ Там же. С. 56.
- ⁷ Мизь Н.Г. Имя на карте Владивостока // Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 25.
- ⁸ Deeg. С. 71.
- ⁹ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1910. Репринт, Владивосток, 1990. С. 35, 132.
- ¹⁰ На дореволюционной топографической карте имение обозначено как «Г. дв.», т. е. «господский двор». Карта «Владивосток 1910 г.» // Управление военных типографов. Репринт РСФСР (без даты). В архиве Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева (Владивосток) карта записана в каталоге под номером 14722-2. Я благодарна Р.А. Мордовцевой за оказанную помощь в поисках разных материалов в музее им. Арсеньева, а также В. И. Калинину за объяснение этого сокращения.
- ¹¹ Здесь и далее имена упомянутых в письмах Элеоноры Прей людей употребляются в такой форме, в какой они с друзьями представляли себя другим, т. е. титулом и фамилией, а не именем и отчеством. Например: госпожа Прей, господин Гольденштедт, госпожа Даттан.
- ¹² Письма госпожи Прей хранятся в частном архиве Патриции Д. Сильвер, внучки госпожи Прей. Почти все письма написаны на английском языке. В данной статье отдельные цитаты и другие указания из писем датированы в скобках в тексте.
- ¹³ Памятная книжка Приморской области на 1909—1910 гг. Все присутственные места и должностные лица Приморской области. Владивосток, 1910. С. 138; Памятная книжка Приморской области на 1915 год. Владивосток, 1915. С. 10.
- ¹⁴ Кларк И. С. Адрес-календарь и торгово-промышленный указатель Дальнего Востока. 7-е издание. Иркутск, 1911. С. 77.
- ¹⁵ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. С. 127—128.
- ¹⁶ Данные о различных строениях исходят из карты, нарисованной собственноручно госпожой Прей через два дня после разрушительного пожара, происшедшего в ночь с 22 на 23 октября 1910 г., уничтожившего «старую дачу» — самую крупную усадьбу в имении.
- ¹⁷ Госпожа Прей приобрела свой первый фотоаппарат в апреле 1899 г. Она любила фотографировать друзей, городские сценки (например базар) и загородные пейзажи. Она собирала множество альбомов как для себя, так и для своих родных. В архиве П. Сильвер таких альбомов около двадцати. П. Сильвер и подарила несколько альбомов музею им. Арсеньева во Владивостоке.
- ¹⁸ По данным справочника, Приморский край, в имении было 163 коровы, 50 быков и 6 лошадей. С. 127—128.
- ¹⁹ Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. С. 128.
- ²⁰ Эту информацию любезно предоставили Хамм М., Полгар Г. и Сильвер П.
- ²¹ Roosevelt. С. 113.
- ²² Корсеты Редюзо носили дамы в викторианскую эпоху даже в летний сезон.

- ²³ См. Тао Юань-мин. Стихотворения. Пер. с кит. Л. Эйлина. М., 1972; The Poetry of T'ao Ch'ien, tr. James Robert Hightower, with commentary and annotations. Oxford, 1970; A. R. Davis. T'ao Yuan-ming (AD 365—427). His Works and Their Meaning. Cambridge University Press, 1983. Поэт использовал два различных имени. Я благодарна Чжэн-минь Дуну за помощь с китайскими фразами.
- ²⁴ Во владивостокских газетах постоянно печатались истории о китайских игорных домах, проституции и наркомании, например «Далекая окраина», 3.04.1907 г. (ст. ст.).
- ²⁵ Гаген Т. Дом с колоннами. С. 116—121; Roy Strong, Marcus Binney, John Harris et al. The Destruction of the Country House 1875—1975. London, 1974; Marcus Binney, Emma Milne, eds., Vanishing Houses of England. A Pictorial Documentary of Lost Country Homes. London, 1982.
- ²⁶ Вера родилась 18 июня 1910 г. и была дочерью Павла Гольденштедта, среднего приемного сына господина Гольденштедта.
- ²⁷ Разговор с Е.В. Васильевой во Владивостоке 16.07.1998 г.

Особую признательность мне хочется выразить всем коллегам, бескорыстно помогавшим мне в сборе материалов для этой статьи. Я глубоко благодарна независимому исследователю Патриции Д. Сильвер за совместную работу и за предоставление доступа к архивам, содержащим бумаги Э. Прей, а также за разрешение цитировать их и публиковать выдержки из них. Я также признательна за поддержку и помощь работникам Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева во Владивостоке и его директору Г.А. Алексюк, а также Фонду для исследователей Вашингтонского государственного университета в Пуллмане, штат Вашингтон. Мне хотелось бы сердечно поблагодарить М.Ф. Магуту за организацию поездок и сопровождение меня на Де-Фриз летом 1998 и 2000 г.; С.Е. Морозову и Г.С. Лопатенко за огромную помощь во время визитов в лагерь «Космос»; М.А. Иващенко, Д.М. Коваленко, З.Н. Ковылину, З.Д. Федорец и А.Ф. Суворина за всяческую помощь на полуострове; а также В.И. Калинина, Н.Г. Мизь, М.А. Толмачеву и Бони Фредерик (Bonnie Frederick) за интереснейшие сообщения на исторические темы. Сокращенная версия статьи была представлена в виде доклада на конференции Американской ассоциации славистов в Сент-Луисе в ноябре 1999 г. Я признательна Елене Смит и В.И. Калинину за помощь в подготовке русской версии этой статьи.

Статья посвящается памяти И.Г. Стрюченко, который пригласил меня писать о «забытых именах».

Биргитта Ингемансон

Перевод Елены Смит и автора под редакцией В. И. Калинина

SUMMARY: The article by American Professor Birgitta Ingemanson offers some glimpses of everyday life at the Novogeorgievsk Estate near Vladivostok from 1892 to 1922, when it was owned by the Goldenstedt family. Life and work at Novogeorgievsk were closely connected with Vladivostok merchant culture, and the estate both helped and depended upon the people of the city for its sustained functioning. On the base of previously published sources, the article focuses on new material found in the letters of Eleanor L. Pray, an American woman who lived in Vladivostok from June 1894 to December 1930.